

дальних мануфактурах по производству бочек в Вирджинии или заготавливали корабельные припасы в Северной Каролине. Несмотря на драконовские законы, они порой владели и небольшой земельной собственностью. Так, лейтенант английской армии генерала Бургойна Томас Анберн в своих воспоминаниях Джорджии пишет, что негры получали от хозяина по акру земли в вечное пользование, где в свободное от работы время, субботам, выращивали для себя зерно и домашнюю птицу⁶. К сожалению, автор не указывает, платили ли подневольные негры что-либо хозяевам за эту землю, но они с лихвой платили ему на хозяйских плантациях. Конечно, мы далеки от того, чтобы отождествлять это с отработочной рентой, а негров представлять в виде своеобразного зависимого крестьянства. Но своим трудом негры укрепляли крупное помещичье землевладение, экономическую и политическую власть лендлордов.

Таким образом, «черное рабство» в английских колониях в XVII–XVIII веках прошло сложный путь эволюционного развития. Но даже в предреволюционную эпоху оно не получило своего организационного завершения. Окончательно оно сформировалось как система, обеспечивающая сырьевую базу развивающейся английской и американской промышленности, уже после победного шествия «короля-хлопка» по плантациям Юга конца XVIII – начала XIX веков.

Примечания

¹ Foundations of Colonial America. A Documentary History. Vol. 1–3 / ed. by W. Kavenagh. N.Y., 1973. Vol. 3. P. 2077.

² Бурин С.Н. Конфликт или согласие?: социальные проблемы колониального Юга (1642–1763 гг.). М., 1980. С. 231.

³ Scherer L. Slavery and Churches in Early America. 1619–1819. Grand Rapids, 1975. P. 47; Черные американцы в истории США. 1526–1917 / отв. ред. Р.Ф. Иванов: в 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 23–50.

⁴ Foundations... Vol. 3. P. 1185–1192. Vol. 3. P. 2080–2085, 2102–2121.

⁵ Idid. Vol. 3. P. 2102–2121.

⁶ The American Reader / ed. by P. Angle. N. Y., 1958. P. 58.

С. ГАНУС

Язык и «ДУХ НАРОДА» В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ГЕНЕЗИСА РОМАНТИЗМА)

Духовная жизнь этноса определяется как отображение всего национального уклада жизни в его исторических и реально значимых сущностях. Это системообразующая форма проявления и выражения национальной саморефлексии. В духовной жизни нации фокусируется вся философия жизни этноса. В широком понимании духовная жизнь нации является ничем иным, как творческой деятельностью ее сознания и самосознания, составляющей ее основу. Исследовать духовную жизнь нации в рамках отдельно взятого феномена: фольклора, литературы, языка, искусства, этнической психологии, исторического сознания и т.д., чтобы познать мир национального во всем его многообразии, является недостаточным. Автор акцентирует внимание на ином: современная наука в русле междисциплинарного синтеза полагается на системный комплексный анализ, более чем целостный при изучении такой сложной структуры, как духовная культура этноса. К. Леви-Стросс в своей классической работе «Структурная антропология» отмечал: «И язык, и культура создаются путем оппозиций и корреляций, то есть через логические отношения». Индивид овладевает культурой своей группы с помощью языка. Но и язык, со своей стороны, оказывается условием культуры в зависимости от того, насколько последняя владеет построени-

ем, подобным к построению языка¹. От себя подчеркнем, **что они не являются статическими, а развиваются во времени, и потому должны рассматриваться исторически.**

Как классические, так и современные разработки теории этноса, этногосударствования не обходят вниманием проблемы лингвистики, ведь в процессе этно- и нациогенезиса благодаря языку носители одной культуры усваивают один и тот же, хотя и не тождественной, способ видения мира, мышления и сожительства. Рассматривая язык как определенный способ мировидения, как форму общественного познания², мы должны упомянуть о существовании у каждого народа особой языковой картины мира, включающей этническую мифологию³. Таким образом, язык является также хранителем исторической памяти народа, ведь то или другое сообщество людей, как писал Ф. Ницше, может возникнуть только в результате сознательного использования языка⁴. Судьба каждого этноса (народа) органически переплетена с судьбой его языка. История демонстрирует множественные примеры того, что с исчезновением языка исчезает и этнос. Поэтому язык определяется как органический атрибут народа, так как без языка народа нет⁵. Язык действует во всех сферах духовной жизни как творческая сила. По словам Л. Вайсгербера, «тот, кто не склонен достаточно оценить языковое влияние среди форм знания, должен постоянно размышлять, как далеко зашли бы эти формы знания, если бы языка не было вообще»⁶.

Необходимость междисциплинарного подхода в изучении прошлого была осознана еще в начале XX века «отцом» теории исторического синтеза А. Берром. Учитывая опосредованность языком процессов формирования смыслообраза национального бытия, междисциплинарный синтез в исследовании процессов формирования наций в новое время, состоящий в сотрудничестве историографии и лингвистики, является целесообразным и необходимым эпистемологическим подходом, который принимается во внимание в данном исследовании. Поэтому думается, что студии на срезе лингвистики и историографии, лингвистики и этнологии, лингвистики и методологии истории являются междисциплинарным подходом, соответствующим современным тенденциям развития наук. В. Дильтей в свое время высказался по этому поводу: «Основоположение наук о духе должно, соответственно, распространяться на все классы знания так же, как того требует общее философское обоснование»⁷. Вот как раз такими качествами междисциплинарности обладает социолингвистика, которая стремится исследовать язык в его общественном контексте и обусловленности⁸. Верования, обычаи, культура народа – все это может быть прочитано или познано через язык. Этнолингвистика, изучающая язык в его социально закреплённой структуре и в его конкретных коммуникативных употреблениях (актах речи), старается извлечь из него все то, что характеризует язык как составную часть культуры, ее аспект, ее стихию и «воздух». Этнолингвистика пытается, отойдя от языка, прийти к человеку, его способам понимания мира⁹. И социолингвистика, и этнолингвистика – общественные дисциплины, предмет которых имеет конвергентные свойства, могут стать серьезным подспорьем для историка, изучающего процессы, происходящие в интеллектуальной сфере общества.

В нашем случае речь идет о первых попытках конструировании в эпоху позднего Просветительства образа национального организма с учетом осознания языковой составляющей национальной идентичности. Целью нашей статьи является рассмотрение немецкой просветительской, амбивалентной по своему содержанию и предромантической общественно-исторической мысли и, в частности, методологии общественного познания и истории второй половины XVIII века через призму категории языка. Нас интересует, каким образом эта категория индивидуализирует философию истории,

духовный климат в Германии в эпоху позднего Просвещения, и, в конечном понимании, как были созданы предпосылки осознания особой функции языка в качестве этнического символа.

Существует мнение, что язык является главным признаком этничности и обеспечивает функционирование национального организма во всех его проявлениях. В общемировом процессе развития человеческих сообществ, который очерчивается формулой «от народа к нации», языку, как считается, принадлежит первостепенное место¹⁰. Однако современное обществоведение, в том числе и лингвистика, отталкивается от необходимости избегать этноцентрической предубежденности¹¹, придерживаясь в решении конкретных исследовательских проблем критериев объективности и основ научности.

Не сегодня и не вчера в обиход науки и публицистики вошла категория «**дух народа**», как концентрированное понятие, выражающее содержание национальной жизни. На практике культура народа и его «дух» взаимообусловлены. Без опосредованности «духом» культура народа невозможна. А без целостности культуры невозможным есть объективируемый «дух народа». В этом понимании современная культура включает в себя все предыдущие степени развития: в превращенных формах, в знаковых системах, в литературном творчестве и искусстве, в верованиях и в действиях народа. Отсюда, кстати, неизбежность использования историзма в изучении феноменов и явлений культуры этноса. По большому счету, культура народа во всей ее совокупности, во всем, что отличает один народ от другого и есть национальный дух. Он формируется и развивается по своим внутренним законам, оказываясь имплицитированным в национальной психологии, этических предписаниях, языке, религии, творчестве индивидов и групп¹². Что показательно, осмысление парадигмы «**духа народа**» включало в себя языковую составляющую с момента своего появления, в чем нам предстоит убедиться.

Отдельные авторы даже высказываются, что начало разработки национальных языков является релевантным рождению националистической идеологии. Так, П. Игнотус утверждает: появление венгерского национализма – это событие настолько недавнее, что «можно назвать точную дату: 1772, год публикации нескольких скучноватых произведений венгерского автора Дёрдя Бешенеи, который тогда проживал в Вене и служил в эскорте Марии Терезии... Эта *magna opera* Бешенеи должна была доказать, что венгерский язык пригоден для высочайших литературных жанров»¹³. В нациологии вообще выделяют особую «**немецкую модель образования наций, с превалированием культурно-исторических факторов и, прежде всего, языка**»¹⁴.

Но, прежде всего, остановимся на некоторых особенностях просветительской мысли Германии в русле нашей проблемы. Обобщенная конвенционалистская модель Просвещения, которая, фактически, является его французской модификацией, страдает схематизмом. Ни космополитизм французских просветителей, ни их бесспорное влияние на развитие научного и художественного творчества в разных странах не отменяет того факта, что Просвещение, как сложный комплекс принципов и идей, представлено в виде отдельных его национальных вариантов. В Германии Просвещение имело ряд особенностей, что отличало его от классической французской модели. Носителем просветительских идей была, в первую очередь, образованная прослойка населения, передовое бюргерство, гражданство, которое можно понимать как «средний класс» в том отношении, что это было социальное средостение между дворянством и основной массой народа. Представители традиционной немецкой учености также были в составе этой прослойки¹⁵.

Существует также ощутимая наследственная связь между немецкой Реформацией и Просвещением, ведь протестантство стало духовной реальностью, которая, с одной стороны, воспитала в людях независимость ума (благодаря возможности свободного толкования Святого Письма – С.Г.) и проявила себя как консолидирующая сила общества¹⁶. С другой стороны, именно в реформационные времена, благодаря лютеровому переводу Св. письма, немецкий язык легитимируется как полноценный, достойный не только текстов указов, объявлений и «летучих листков», но и сакрального текста Библии. Язык немецкой Библии воспринимался как «язык с большой буквы», отличный от разношерстных говоров, отличающихся от места к месту, от группы к группе их носителей. Перевод Библию, Лютер соединил вместе «верхне-саксонский устный» и «саксонский канцелярский» языки*. Он поддержал и взаимно усилил две наиболее выразительные стихийные тенденции, которые работали на преодоление языковой дисперсности Германии¹⁷.

«Прикладной» характер немецкого Просвещения был связан с задачами распространения позитивного знания, разработки немецкого литературного языка, изучения проблем морали, политики, юриспруденции, государственоведения¹⁸. В немецком, равно как и в европейском языковедении к XVIII веку был накоплен значительный эмпирический материал в виде лексикографически-каталогизационных работ, которые ярко отличали эпоху энциклопедизма, господства статистико-эмпирического метода в научных штудиях. Среди известнейших образцов такого рода работ – «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы» академика Российской академии наук, немца по происхождению П.С. Палласа¹⁹ (1-я часть вышла из печати в 1786–1787 гг., а в 1791 г. дополненное издание насчитывало уже 4 тома и охватывало 272 языка Европы и Азии, Африки и Америки)**; публикация И.Х. Аделунга «Митридат или общее языковедение с Отче наш как примером на 500 языках и диалектах» (1806–1817), завершенное его коллегой И.С. Фатером²⁰. Примечательными вехами на пути к систематизации лексики немецкого языка в XIX в. являлись также немецко-латинский словарь И.Л. Фриша (1741) и «Грамматико-критический словарь высокого немецкого красноречия, прежде всего верхненемецкого» И.Х. Аделунга***. В процессе библиографической эвристики нами выявлены и другие объемные лексикографические работы, датированные концом XVIII – началом XIX вв., как вот 9-томный «Католикон или же французско-немецкий универсальный словарь французского языка» И.И. Шмидлина²¹, весьма интересный «Словарь к объяснению и переводу на немецкий язык возникающих (в речи – С.Г.) чужих выражений» И.Х. Аделунга и И.Г. Кампе²². Эти лексикографические работы, которые представляли «старое языковедение», содержали множество ошибок и неточностей, но, тем не менее, «вызвали значительное внимание и весьма содействовали пробуждению еще большего интереса к лингвистическим исследованиям»²³.

Украинский исследователь Г. Касьянов убежден, что среди культурных факторов становления наций в XIX в. секуляризация, унификация, стандартизация и массовое внедрение национальных языков было одним из главнейших. Германия в этом отно-

* Конечно, было бы преувеличением полагать, что Лютер был «творцом немецкого литературного языка», как утверждает в протестантской апологетической литературе. Но в немецкой историографии распространено мнение о том, что в качестве переводчика Библии реформатор «существенно ускорил процесс разработки единого для всей нации значимого литературного языка» (Thesen über Martin Luther // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1981. Hf. 10. S. 883.)

** Это издание было хорошо известно в научном мире и рассматривалось как одна из предпосылок становления сравнительного языковедения (Adelung F. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. St.-Petersburg, gedr. Dreschler, 1815).

*** Популярность этого словаря была такой значительной, что 1801 г. датируются тома уже его 10-го издания.

шении была отнюдь не одинокой. Не случайно именно XIX в. стал «золотой эпохой» лингвистики и национальных литератур. Один за одним выходили из печати одно- и двуязычные словари, грамматики, лексиконы. В 1789–1794 годах появился шеститомный словарь русского языка, а в 1802 г. – официальная русская грамматика. В 1792 году вышла история чешского языка Й. Добровского. В 1814 году Вук Караджич начал публикацию грамматики и словаря сербского языка. С 1819 года прославленные своими изданиями народных сказок братья Якоб и Вильгельм Гримм начали монументальную работу в области грамматики, истории и упорядочения немецкого языка. С 1854 года осуществлялся проект издания 16-томного словаря немецкого языка, заверченный почти через столетие. «Словарной лихорадки» не избежали даже Англия и Франция, где стандартизация и унификация начались значительно раньше²⁴. Вся эта масштабная деятельность, как мы заметили, была развитием почва, положенного во времена Просвещения с его энциклопедизмом и склонностью к систематизации накопленного состоянием на XVIII в. огромного массива эмпирических фактов в разных отраслях наук. Нам представляется не случайным, что именно в это время появились всеобъемлющие классификации видов живой природы К. Линнея и Ж.-Л.-Л. Бюффона.

Обращаем внимание на то, что должны быть по достоинству оценены научная деятельность и наследие уже упоминавшегося И.Х. Аделунга, как одного из тех, кто непосредственно стоял у истоков «филологической революции» XIX века. Лишь во Всероссийской библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино нами найден его учебник по немецкому языкознанию для школ²⁵, «Принципы немецкой орфографии»²⁶, трехтомное исследование по стилистике немецкого языка²⁷, первые работы по вопросам возникновения и истории языка, написанные на основе анализа эмпирического материала, а не с помощью абстрактно-спекулятивного подхода²⁸.

Известный представитель геттингенской школы немецкой просветительской историографии А.Л. Шлецер, пытаясь соединить философско-исторический подход с конкретно-историческим, предложил классификацию народов мира, что было им осуществлено в исследованиях «Всеобщая северная история» и «Обзор всеобщей истории». В основу шлецеровых этнологических классификаций были положены региональный и языковой признаки. Хотя указанные работы не были лишены многих ошибок (например, тот же Шлецер выделяет такие народы, как далматинцы, рагузинцы, между которыми не было принципиального различия по критерию языка), они создавали почву для дальнейшего прогресса в разработке языковедческих проблем в их историческом и этнологическом контексте²⁹.

Рационалистическую философию и филологию нового времени, в особенности в эпоху Просвещения с его скепсисом по отношению к авторитетным мнениям минувшего отнюдь не могла удовлетворить библейская теория смешения языков при построении Вавилонской башни. Хотя и в метафизической форме, просветители старались обосновать более вероятные, с точки зрения здравого смысла, концепции происхождения языка, правда, без учета уже довольно значительной эмпирической базы. Так, Жан-Жак Руссо ставил возникновение языка в зависимость от общественных потребностей и выдвинул предположение об общем развитии языка и человеческого мышления или теорию восклицаний. Он считал, что язык постепенно, под влиянием осмысленных эмоций эволюционировал из естественных восклицаний, междометий к грамматически обустроенной системе³⁰.

И.Г. Гердер, подобно Руссо, ставил акцент на связи между возникновением языка и развитием мышления. При этом он делал вывод о том, что конституционные особенности человека и наличие у него ума дали ему возможность «собирать» язык из звуков природы. Гердер, считая, что благодаря мышлению народы научились гово-

речь, одновременно подчеркивал, что благодаря языку они научились мыслить. Таким образом, происхождение и историю языка просветитель диалектически связал с эволюцией мышления, утверждая, что «любой ум, любое искусство человека начинается с языка; ...для этого в органическом построении его существовали лишь задатки»³¹.

Одним из первых он старается опереться на историзм в своих языковедческих изысканиях. В равной мере он отвергает как теологическую теорию «божественного» происхождения языка, незадолго до Гердера воскрешенную пастором И.П. Зюсмилем^{*}, так и рационалистическое учение просветителей относительно происхождения языка в ходе заключения «общественного договора». Обе теории проистекали из понимания языка, как уже готового и устроенного явления, и в этом смысле в равной мере были неисторичными. Немецкий мыслитель использовал продуктивные идеи своих современников, в частности Д. Дидро («Письмо о глухих и немых для тех, кто слышит и говорит», 1751) и Ж.-Ж. Руссо («Размышления о причинах и основаниях неравенства между людьми», 1755). Углубив и развив их, он создал оригинальную теорию с оригинальным названием «романа о возрасте языка».

Гердер, сравнивая историю общества с течением жизни человека, говорит и о соответствующих возрастным циклам в истории языка^{**}. Молодость языка, изобилующая синонимами, образными выражениями, метафорами – это **поэтический возраст**. На смену ему приходит период художественной прозы – **зрелость языка**. Здесь еще не утрачена поэтическая красота языка, но она приобретает определенную суровость и стройность. Последний период наступает тогда, когда на смену красоте приходит точность. Это – **философский возраст языка**. В этой хотя колоритной и яркой, тем не менее – произвольной схеме выражена идея противоречивого развития языка. Язык прогрессирует как средство выражения абстрактного мышления, но это приводит к потере его поэтического богатства³².

Языки «диких» и цивилизованных народов Гердером, вслед за Руссо, противопоставлены, поскольку первые есть выражение непосредственных аффектов, чувств, страстей, которые владели душой первобытного человека. Таким остается язык поэзии. Язык цивилизованных народов является языком рассудка, прозы. Красота и богатство устраниваются логической правильностью, строгой разграниченностью понятий, наличием абстрактных категорий. Так вот эта правильность языка уменьшает его богатство. Образцом подобного правильного «книжного языка, языка рассудка, языка чтения» является французский. Его порядок слов наиболее соответствует метафизическому ряду понятий³³. Но для поэтического гения, по убеждению немецкого мыслителя, этот язык является настоящим проклятием, ведь он нуждается в выражении чувств, а не *ratio*.

Итак, эволюция языка от его первоначальной формы, через чувственно-эмоциональную и образно-поэтическую модификации пролегал к образованию общих понятий и абстракций, прозаической формы. Это является выражением неотделимости развития языка от прогресса человеческого разума и культуры. Они являются взаимообусловленными.

* Иоганн Петер Зюсмилх – член Берлинской Академии наук, профессор обосновывал указанную теорию в известном в свое время «Опыте доказательства, что первый язык ведет свое происхождение не от человека, но только от Бога» (1766). Идеи Зюсмилха были поддержаны кенигсбергским учителем и другом Гердера Иоганном Георгом Гаманном.

** Периодизация по возрастным циклам организма была известна еще с древности и широко применялась также в пору Просвещения, например Готхольдом Эфраимом Лессингом при изложении собственной интерпретации теории исторического прогресса человечества.

Не менее важной представляется квалификация Гердером языкового фактора, как необходимого условия понимания духа литературы, а через нее и «души народа»*. Рассматривая человека как существо, формируемое «двумя мирами» – миром природы и миром духа, соединенными в языке, психологии и жизненных ценностях, мыслитель, исходя из этой суммы признаков, пытается объяснить специфику «народного духа». А он сохраняет свои устойчивые характеристики, несмотря на смену окружающей среды или политических обстоятельств, поскольку унаследуется естественным путем, передаваясь из поколения в поколение в мифах, легендах, народных песнях и сказках³⁴.

Критикуя схоластический стиль немецкого книжного ученого языка XVIII в., Гердер призывал возвратиться к естественному языку, освободить его от искусственных нагромождений. В известных «Фрагментах о новой немецкой литературе» (1767–1768) мыслитель подчеркивал: «**Дух языка – это, соответственно, также и дух литературы любого народа**». А затем он ставит важнейший вопрос: «В какой мере естественный способ мышления немцев влияет на их язык, а язык – включая его отдельные элементы, его ритм и произношение – на их литературу? В какой степени могут нам что-то объяснить особенности их жизненных условий и их органов языка? В какой мере их богатство и бедность, по свидетельству истории, могли проистекать из способа их мышления и жизни?»³⁵. Мыслитель не предполагал дать исчерпывающие ответы на поставленные им вопросы, отнюдь не риторические, поскольку, развивая далее свои мысли, он делает вывод, что, утрачивая свой язык – основной инструмент передачи опыта поколений, – народ неминуемо утрачивает собственную самодостаточность, становится нежизнеспособным³⁶. Может быть наш вывод покажется достаточно смелым, однако нам представляется, что Гердер весьма близко подошел к пониманию того, что в науке ныне именуется *языковой картиной мира*.

Ученый старался последовательно действовать согласно собственным мировоззренческим и научным убеждениям, смело взявшись за изучение народного песенного и эпического творчества. Он утверждал: «...Не подлежит сомнению, что поэзия, и в особенности песня, была сначала целиком народной, т.е. легкой, простой, такой, что шла от самих предметов и создавалась языком масс, а также самой природы, богатой и ощущаемой всеми»³⁷. Невзирая на насмешки за свое увлечение «поэзией плебеев», «бурный гений», в свою очередь, пренебрежительно отзываясь о снобизме «новомодной юношеской национальной гордости, которая не имеет ни веса ни силы», призывал собирать песни – «искры немецкого национального духа, почти угасшие под грудой пепла и тленом»³⁸. Под последним он имел в виду искусственную книжную словесность «просвещенного общества», причудливую красоту, нормативную эстетику классицизма**.

* Знатки гердеровского творческого наследия и его биографы уверены в том, что подобные идеи сформировались у Гердера под влиянием уже упомянутого И.Г. Гаманна, которого современники, включая и Гёте, относили к родоначальникам литературно-художественного движения «Буря и натиск» (*Журмунский В.М.* Жизнь и творчество Гердера // Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. С. XII–XIII).

** Виднейшим представителем немецкого классицизма был Иоганн Кристоф Готшед (1700–1766) – драматург, поэт, литературный критик, автор теоретических работ «Критическая поэтика» (1730) и «Немецкая грамматика» (1748). Языковую норму Готшед, которого нарекли «литературным папой», строил на рациональной основе, сопровождая ее требованиями «добраго вкуса», «трезвости». Он, одновременно, выступает за развитие литературной речи, защищая свои позиции в полемике с откровенными противниками единого немецкого литературного языка – поэтами «силезской школы» и с адептом канцелярского стиля речи монахом Августином Дорнблутом (*Waniek G.* Gottsched und die deutsche Literatur. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1897. S. 545.)

Существенной новацией мировоззрения Гердера было понимание исторического и национального своеобразия «времен и народов». Сложившаяся на протяжении веков национальная культура определяет язык, искусство и поэзию данного народа как выражение его сознания и национального характера. Поэтому для искусства и поэзии не существует единого образца прекрасного, обязательность которого составляет каноническую норму во все времена. На самом деле существуют исторически обусловленные модели художественного совершенства. Исторический универсализм Гердера опровергает идею существования «классических» народов как единых носителей идеальных форм культуры и искусства. Античной литературе Гердер противопоставляет поэзию Востока, рыцарского средневековья, «народов Севера» – кельтов и германцев, славян и балтийских народов и, в конце концов, даже песни «диких» народов за пределами европейской цивилизации – американских индейцев и гренландских эскимосов³⁹.

Гердер неоднократно делает акцент на том, что собирание сокровищ народного творчества и языка не является самоцелью или способом получения сугубо лишь эстетического наслаждения. Он поставил вопрос: насколько более глубокими являются знания его современников о разных народах, чем у греков или римлян? Ведь народоведение значительно расширило в XVIII веке карту мира. Да и каким образом познаются народы: по внешнему виду, по карикатурным гравюрам, с чужих слов, которые ничем не лучше этих карикатур? Путь такого познания может пролегать через «их собственную душу, в чувствах, речи, делах». А источником этого познания, по твердому убеждению Гердера, являются песни – этот **«архив народов, сокровищница их науки и религии, их теогонии и космогонии, действий родителей и событий их истории, отражение их сердца, картина их домашней жизни в радости и горе, на брачном ложе и смертном одре»**. В песнях народы воплощают свое мировосприятие, выступают такими, какими они есть⁴⁰.

Идеи Гердера революционно преодолевали снобизм Просвещения по отношению к «варварским» культурам и сообществам, создавая простор для поиска в них особой, «естественной» ценности. Постулирование самоценности и уникальности каждой из культур, между каковыми нет «высших» или «низших», открывал горизонты национально-образования и для тех европейских народов, которые были менее успешными на своем государствообразующем поприще, нежели французы, россияне или британцы⁴¹. В этом, очевидно, и состоит секрет феноменальной популярности идей Гердера среди «апостолов» славянского Возрождения, которые часто ссылались на него, как на своего рода пророка.

В то время, когда по Европе победно шагала гениальная мистификация песен Оссиана Дж. Макферсона, а публика восторженно поглощала насыщенные рыцарской средневековой атрибутикой и таинственностью «готические» романы англичан К. Рив, Э. Редклиф, Х. Уолпола, М.Г. Льюиса, Ш. Смит, в Германии разворачивается национально-патриотическое литературное движение, которое определило целью развитие литературного творчества через подпитывание его культурно-эстетическим опытом собственного народа. Манифестом нового литературного направления, возглавляемого Гердером и И.В. Гёте^{*}, стал сборник статей «О немецком характере и искусстве» (1773), посвященный вопросам немецкой национальной культуры и литературы. Гердер, учитывая интенсивную и результативную популяризацию английского и шотландского фольклора в тогдашней Европе, указал, что ему определенно

---

* Знакомство И.Г. Гердера с И.В. Гёте произошло случайно в конце 1770 г. в Страсбурге, где последний обучался в местном университете.

известно: во многих провинциях собственной страны он слышал народные песни, которые ничем не уступают шотландским аналогам. И снова же высказывается о том, что «Оссиан, песни диких народов, песни скальдов, романсы, областные песни могли бы вывести на лучший путь, если бы мы захотели научиться от них чему-нибудь большему, чем только лишь форме, внешним приемам, языку»⁴².

Подчеркнем, что немецкому мыслителю, который выглядит в своих теоретических интерпретациях языка и текста на голову выше большинства своих современников, удалось сформулировать перспективные идеи, созвучные современным разработкам в области гносеологии. Так, видный представитель направления философской герменевтики Г.Г. Гадамер обращает внимание на то, что **любая речь всегда способна обращаться и к образу и к мысли**. Поэтическое слово, так же как и философское, может «выстоять» и собственной волей «высказать себя» в абстракции текста, в котором оно прочитывается. По образному сравнению Гадамера, поэтическое слово – это не формальное указание на конкретный предмет, а своего рода золотая монета, полновесная стоимость того, что выражено этим словом. Иными словами, поэтический язык содержит концептуальные понятия мировосприятия и миропонимания. Повседневный же язык сравнивается с мелкой разменной монетой⁴³. Как видим, Гердер в интерпретациях народной поэзии как способа образного освоения и сущностного осмысления мира, свойственного каждому народу, значительно превзошел уровень науки своего времени.

Результатом настойчивой работы по собиранию и изучению фольклора стал гердеров сборник *«Голоса народов в песнях»* (1778–1779). В народной поэзии, как в очередной раз подчеркивал Гердер, воплощалась сама «природа», то есть идеал жизненной правдивости и художественной образности. Песня, по убеждению мыслителя, говорит больше, чем «длинное историческое описание», а **для историка является обязательным знанием народных творений**⁴⁴. Появление *«Голосов народов в песнях»* указало направление изучения и сохранения национально-культурного наследия. Фольклористические изыскания стали в дальнейшем интегральным элементом этно-культурной самоидентификации. Для славянских народов они вообще превратились в важное средство самосохранения, ведь существовало убеждение, что язык и культура многих из них находятся на стадии отмирания. Да и сам Гердер, искренне, с теплотой отзываясь о славянах, усматривал перспективу будущего не в универсализации человеческой цивилизации, как, например Вольтер ли Тюрго, а в развитии разных культур и народов, каждый из которых имеет самодовлеющую ценность⁴⁵.

Гердер не был одинок в своих стремлениях накапливать и изучать образцы народной поэтики. Правда, его привлекал традиционный обрядовый фольклор, который, по тогдашним эстетическим представлениям, не относился к «высоким» жанрам. Героико-эпические произведения эпохи средневековья стали предметом интереса швейцарских поэтов Иоганна Якоба Брайтингера (1701–1776) и Иоганна Якоба Бодмера (1698–1783). Отказ от канонизации французского драматурга-классициста Э. Буало, от «правил» высокого штиля И.Х. Готшеда, от условного «хорошего вкуса» дал возможность реализовать задачу, которая имела большое научное и общественное значение. Параллельно с борьбой против застывших нормативов классицизма «швейцарцы» начали реабилитацию поэтического наследия немецкого средневековья. В статье «О счастливых условиях для процветания поэзии во времена императоров из швабского дома» (1743) они впервые обращают внимание на художественную ценность старонемецкой поэзии⁴⁶.

После продолжительных хлопот Бодмеру и Брайтингеру удалось получить во временное пользование «Большую гейдельбергскую рукопись» – сборник поэзии мин-

незингеров, которая находилась со времен Тридцатилетней войны в Париже. В 1747 году они опубликовали «Образцы швабской поэзии XIII века», впервые знакомя немецкого читателя с песнями Вальтера фон Фогельвейде, его учителя Райнмара фон Гагенау, Генриха фон Морунгена и других выдающихся миннезингеров. В 1758–1759 годах гейдельбергская рукопись была почти полностью опубликована «швейцарцами» под названием «Собрание песен миннезингеров швабского периода, которое содержит произведения ста сорока поэтов»⁴⁷.

Годом раньше Бодмер осуществил другую перворазрядную публикацию. По найденной в библиотеке г. Гогенэмс рукописи «Песни о Нибелунгах» он издал две героических поэмы швабского периода. В 1753 г. им была издана свободная авторская переработка «Парсифаля» Вольфрама фон Эшенбаха⁴⁸. Бодмер обращается также к народной легенде о швейцарском герое Вильгельме Телле, переработав ее в форме драмы. Значение данных публикаций для изучения истории немецкой литературы является вполне очевидным. Но не меньшей является ценность этих произведений как источников по истории языка средневековой Германии. Следует также указать, какую роль эпос «О Нибелунгах» сыграл в формировании национального исторического сознания в XIX в., являясь одновременно сплавом пассионарности, мифологичности, героизации прошлого. Все это, правда, воспринималось в контексте национальных преимуществ немцев⁴⁹.

Гердер не мог не обратить внимание на усилия швейцарских коллег, отметив: «Если бы у патриарха Бодмера не было иных заслуг, кроме издания сборника швабской поэзии, то и этого оказалось бы достаточно»⁵⁰. Одновременно, не забывая о языковедческой проблематике, просветитель обращает внимание на то, что именно в Швейцарии, защищенной Альпами от чужеземных влияний, сохранились давние обычаи, а местный язык в наибольшей мере приближен к старинной простоте. Гердер в этом случае определяет, где именно он будет искать матрицу «неиспорченного», естественного немецкого языка.

Можно уверенно утверждать, что Гердер, высказав целый ряд идей, которые позднее были органически восприняты классиками языковедения в процессе «филологической революции» в первой половине XIX века, непосредственно стоял у ее истоков. Несмотря на ошибки, связанные с общим уровнем языкознания и других общественных наук эпохи Просвещения, мыслитель стал автором первой теории исторического развития языка в связи с эволюцией человеческого мышления и, в конечном счете, и развитием человечества как системы национальных сообществ. Роль Гердера в философской постановке вопроса о значении языка в понимании духа народа, или, как бы мы сегодня выразились – его ментальности, национального характера, трудно переоценить.

Очевидно, что во второй половине XVIII века целостность системы научного знания, основанного на просветительской интерпретации рационализма, стала размываться. В недрах Просвещения рождаются идеи, которые в первой половине XIX века оказались органически вплетенными в ткань парадигмы романтизма. Именно в подобных условиях возникает грандиозная философская система И. Канта, завершающая собой Просвещение и породившая весьма перспективные для дальнейшего развития науки идеи. То же касается и взглядов И.Г. Гердера, которые были своеобразным переплетением положений просветительского и романтического характера. В недрах Просвещения новое качество философско-научного и художественного мышления вызревало постепенно, имея вид отдельных догадок, сюжетов, критики крайностей просветительского рационализма и т.д. Все это можно охарактеризовать как *предромантизм*.

В современной науке под *предромантизмом* понимают явления и тенденции в европейской литературе и духовной культуре второй половины XVIII века, которые предвещали романтизм и готовили почву для него⁵¹. По словам П. Ван-Тигема, *предромантизм* – это еще не упроченная художественная система, а скорее «собрание разрозненных усилий»⁵².

Просвещение весьма своеобразно «врастает» в романтизм. В этом проявилось действие философского закона *отрицания-отрицания*. Одним из имплицитных признаков этого процесса было возрастание общественного внимания к культурно-историческому опыту средневековья и становление медиевистики, что не было возможным, скажем, во Франции в XVIII веке, где, за небольшими исключениями, господствовало скептически-нигилистическое отношение преимущественного большинства просветителей к «темным векам», как времени для прогресса утраченного. А отношение ученых-историков, философов и литераторов к историко-культурному достоянию средневековья является своеобразным маркером, который проявляет причастность к этому процессу. Этот вопрос мы исследовали в одной из своих разработок⁵³.

Что же касается предмета нашего исследования – языка и форм его бытования в виде народного литературного и песенного творчества, то здесь во второй половине XVIII века, еще не выходя за пределы просветительского рационализма, были намечены не менее значимые предпосылки того, что стало впоследствии известным как «филологическая революция». Новые веяния проявились в попытках отказаться от конструирования метафизических концепций возникновения и бытования языка, а также в его трактовке как феномена, органически свойственного определенному народу, как монаде всемирного культурно-исторического процесса (вспомним шлецерову классификацию народов). У Гердера последняя мысль прозвучала довольно отчетливо, когда он отметил, что «сама цивилизация состоит прежде всего в потенциале нации и в его использовании»⁵⁴. Пробивало себе дорогу понимание культуры и языка, как его важнейшей составляющей в их органическом развитии в пространстве и времени, что находилось в противоречии с распространенным представлением о наличии их вечных и неизменных идеальных форм, которые, ко всему прочему, можно сконструировать, или усовершенствовать. В частности, Гердер рассматривал свою деятельность как начало исторического осмысления культуры. Мыслитель был убежден, что в языке, фольклоре, литературе воплощен «дух народа», его чувства, жизненная сила. А это уже краеугольные понятия романтизма.

То есть, речь идет о многочисленных и довольно разнородных явлениях и тенденциях развития духовной культуры второй половины XVIII века. *Есть все основания учитывать предромантизм как специфический фактор интеллектуальной истории в переходную эпоху от Просвещения к романтизму.*

Примечания

¹ Леви-Строс К. Структурна антропология: пер. з франц. З. Борисюк. К.: Основи, 2000. С. 69.

² Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: пер. с нем. О.А. Радченко. М.: УРСС, 2004. С. 119.

³ Алтатов В.М. Японская природа и японский язык // История и современность. М., 2007. № 2. С. 219.

⁴ Цит. по: Радевич-Винницький Я., Іванишин В. Мова і нація. Тези про місце і роль мови в національному відродженні України. 5 вид. Кам'янець-Подільський: Абетка, 2003. С. 90.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Цит. по: Кафарський В. Нація і держава: культура, ідеологія, духовність. Івано-Франківськ: Плай, 1999. С. 200.

⁷ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе: пер. с нем. // Дильтей В. Собр. соч. в VI т. Т. III. М.: Три квадрата, 2004. С. 45–46.

⁸ Simon G., Ammon U. Thesen zum Verhältnis von Soziolinguistik und Systemlinguistik // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft. Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972. Hrsg. Von Walter Müller-Seidel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974. S. 330.

- ⁹ *Бартминьский Е.* Чем занимается этнолингвистика? // Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. С. 23.
- ¹⁰ *Радевич-Винницкий Я., Иванишин В.* Вказ. твір. С. 58.
- ¹¹ *Вежбицкая А.* Немецкие «культурные» сценарии: общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // А. Вежбицкая. Сопоставление культур через посредничество лексик и прагматики: пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 160.
- ¹² *Бабилаев А.Н.* Этническая психология как социальный феномен (опыт социально-философского анализа). М.: ИД «Грааль», 2001. С. 40.
- ¹³ *Ignotus P.* Hungary. London: Benn, 1972. P. 44.
- ¹⁴ *Исламов Т.М.* От «нации хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1984. С. 41.
- ¹⁵ *Dann O.* Das historische Interesse in der deutschen Gesellschaft des 18. Jahrhunderts. Geschichte und historische Forschung in den zeitgenössischen Zeitschriften // Historische Forschung im 18. Jahrhundert. Organisation. Zielsetzung. Ergebnisse. (12. Deutsch-Französisches Historikerkolloquium des Deutschen Historischen Instituts Paris). / hrsg. von Karl Hammer und Jürgen Voss. Bonn: Röhrscheid, 1976. S. 414.
- ¹⁶ *Гурьева И.Ю.* Некоторые аспекты дильтеевской концепции немецкого Просвещения // Вопросы историографии всеобщей истории: сб. ст. / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. С. 106.
- ¹⁷ *Соловьев Э.* Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 259, 261.
- ¹⁸ *Schilfert G.* Deutschland von 1648 bis 1789 (Vom Westfälischen Frieden bis zum Ausbruch der Französischen Revolution). Berlin: Akademie-Verlag, 1980. S. 152.
- ¹⁹ *Коблянський Б.В.* Короткий огляд історії мовознавства. К.: Радянська школа, 1964. С. 30–31.
- ²⁰ *Adelung J.Ch.* Mithridates oder allgemeine Sprachkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bei Nähe fünf hundert Sprache und Mundarten. Mit wichtigen Beiträgen zweier grossen Sprachforscher fortgesetzt von Dr. Johann Severin Vater. Th. 1–4. Berlin: Ch. Fr. Voss und Sohn, 1806–1817.
- ²¹ *Schmidlin J.J.* Catholicon oder Französisch-Deutsches Universal-Wörterbuch der französischen Sprache. In 9 Bd. Hamburg; Leipzig, 1771–1779.
- ²² *Adelung J.Ch., Campe J.H.* Wörterbuch zur Erklärung und Verdeutschung der unserer Sprache aufgedrungenen fremden Ausdrücke. 2 Bd. Braunschweig: Schulbuchhandlung, 1801.
- ²³ *Томсен В.* История языковедения до конца XIX века: пер. с нем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 46–47.
- ²⁴ *Касьянов Г.* Теорії нації та націоналізму. К.: Либідь, 1999. С. 114.
- ²⁵ *Adelung J.Ch.* Auszug aus der deutschen Sprachlehre für Schulen. Berlin: bei Christian Friedrich Voss und Sohn, 1781.
- ²⁶ *Adelung J.Ch.* Grundsätze der deutschen Orthographie. Leipzig: bei J.G.I. Breitkopf, 1782.
- ²⁷ *Adelung J.Ch.* Ueber den Deutscher Styl. 3 T. Berlin: bei Christian Friedrich Voss und Sohn, 1785.
- ²⁸ *Adelung J.Ch.* Über der Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter, besonders der Deutschen. Ein Versuch. Leipzig: verlegt Johann Gottlob Imanuel Breitkopf, 1781.
- ²⁹ Подробнее: *Ганус С.О.* Август Людвіг Шльоцер і просвітницька парадигма історії // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія історія. Вип. 3. Ужгород: Видавництво Ужгородського університету, 1999. С. 112–126.
- ³⁰ *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1975. С. 22–23.
- ³¹ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества: пер. с нем. М.: Наука, 1977. С. 98.
- ³² *Гулыга А.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. С. 616.
- ³³ *Гердер И.Г.* О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка) // Гердер И.Г. Избр. соч.: пер. с нем. М.; Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1959. С. 119–132.
- ³⁴ *Яковенко Н.* Вступ до історії. К.: Критика, 2007. С. 119.
- ³⁵ *Гердер И.Г.* О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка). С. 117–118.
- ³⁶ *Яковенко Н.* Указ. соч. С. 119.
- ³⁷ *Гердер И.Г.* [О народных песнях] (1779) // Там же. С. 72.
- ³⁸ *Гердер И.Г.* [Из старого предисловия к сборнику народных песен] (1774) // Там же. С. 83.
- ³⁹ *Жирмунский В.М.* Жизнь и творчество Гердера // Там же. С. VII–VIII.
- ⁴⁰ *Гердер И.Г.* О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем (1777) // Там же. С. 68.
- ⁴¹ *Яковенко Н.* Указ. соч. С. 119.
- ⁴² *Гердер И.Г.* Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов (1773) // Там же. С. 59.

- ⁴³ Гадамер Г.Г. Філософія і поезія // Гадамер Г.Г. Герменевтика і поетика. Вибрані твори: пер. з нім. К.: Юніверс, 2001. С. 120–121.
- ⁴⁴ История немецкой литературы: в 5 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. II. С. 212–213.
- ⁴⁵ Ганус С. Німецька славістика доби Просвітництва // Проблеми слов'янознавства. Вип. 53. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2003. С. 45–47.
- ⁴⁶ История немецкой литературы: в 5 т. Т. II. С. 72–73.
- ⁴⁷ Шлоссер Ф. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы: пер. с нем. Т. IV. Ход и характер умственного образования и литературы. От восстания Северо-Американских провинций против Англии до 1788 г. СПб.: Тип. Гл. штаба по военно-учеб. заведениям, 1859. С. 47.
- ⁴⁸ Кареев Н. Литературная эволюция на Западе. Очерки и наброски из теории и истории литературы с точки зрения неспециалиста. Воронеж: Журнал «Филологические записки», 1886. С. 247.
- ⁴⁹ Ehrismann O. Thesen zur Rezeptionsgeschichtsschreibung // Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft. Vorträge und Berichte der Stuttgarter Germanistentagung 1972. Hrsg. Von Walter Müller-Seidel. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974. S. 127–129.
- ⁵⁰ Гердер И.Г. О новейшей немецкой литературе. Первый сб. фрагментов. 1767. (О различных возрастах языка). С. 124.
- ⁵¹ Наливайко Д.С., Шахова К.О. Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму. К.: Заповіт, 1997. С. 13.
- ⁵² Там же. С. 14.
- ⁵³ Ганус С. Передромантизм і становлення німецької медієвістики в другій половині ХVІІІ ст. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. (Збірник наукових праць). Т. 2 (26). Чернівці: «Зелена Буковина», 2008. С. 149–184.
- ⁵⁴ Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства: пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 241.

Г.Ф. ГОРБАШОВА

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: «МИР» ЧЕЛОВЕКА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ

Каждая эпоха предлагает нам новые оценки и решения, казалось бы давно решенных проблем, высвечивает новые горизонты и порождает новые вопросы. Как отмечает Ю.А. Поляков, «исторический процесс складывается из множества событий, фактов, явлений, крупных и мелких, затрагивающих миллионы людей и судьбы отдельных личностей. Все, что происходит на нашей планете, с течением времени становится историей, на ход истории в огромной степени влияют выдающиеся личности, которые... могут менять развитие событий. Исторические переживания связаны с особенностями человеческого характера, способности масс действовать спонтанно... Поэтому историю нельзя изучать в плоскостном измерении... История должна предстать перед нашими современниками объемной, полихромной и полифоничной»¹. Можно наблюдать, что в научный оборот наряду с экономической, политической, социальной и культурной историей активно внедряются и такие категории, как история повседневности, социальной стратификации, изучение ментальностей и духовной составляющей. Необходимость создания банка данных в области истории повседневности приводит исследователей различных стран к освоению нового специфического исследовательского пространства, разработке новых подходов и методик, использованию разных типов источников, в частности и таких «субъективных» источников, как дневники, мемуары, записки путешественников, письма. В отечественной историографии в определенной степени сложилась традиция в изучении повседневности и материальной культуры (А.Я. Гуревич, Л.П. Репина, А.Л. Ястребичкая, И.В. Якубовская).

«Возрождение» интереса к истории повседневности, которое наблюдается в новом столетии, вызвано к жизни новыми импульсами развития исторической науки, прибывающей, по мнению М. Блока, «в движении» и в «стремлении к лучшему пониманию»². В то же время важно отметить и интерес читающей публики к реалиям